

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5793972>

Пеняра на царство

Направленность: Джен

Автор: Анна Леха (<https://ficbook.net/authors/8204>)

Беты (редакторы): Felis caracal (<https://ficbook.net/authors/471446>)

Фэндом: Сухинов С.С. «Изумрудный город»

Пейринг или персонажи: Аргут, Людушка-Голубушка, Кустар и Пеняр

Рейтинг: G

Жанры: Юмор

Размер: Миди, 10 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Во время поисков меча Торна, плывя в лодке по озеру Снов, Пеняр видел сон: он стал царем леса. Могучие дубы склонились до земли, приветствуя его, простого пня без роду и племени. А затем он врос своими коротенькими корнями в землю, и из его плоской, изрубленной мечами макушки внезапно появился зеленый росток...

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

На западе Желтой страны, окруженная кольцом скал, лежит Долина живых растений — полная загадок местность, куда нечасто ступает нога человека. Даже великая волшебница и Хранительница края Торна — Виллина — не появлялась там, ведь деревьям, как известно, чужды человеческие законы, а подчас природа сильно страдает из-за наносимого человеком вреда.

Те из вас, что читали о приключениях маленького Аларма, помнят Долину. В кольце Серых скал, слишком высоких, чтобы преодолеть их бесцельно, в глубокой округлой низине рос старый-престарый лес. И если бы измученные дряхлостью дубы и тополя в нем могли говорить, то непременно бы рассказали, что и сами не помнят, как стали живыми. Не зная других лесов, стран и уж тем более обитающих там волшебников, считали они, будто повсюду деревья могут ходить, драться и вцепляться в чужие ветвистые кроны.

Эти чудесные деревья не участвовали в жизни Волшебной страны ни во время первой войны Торна и Пакира, ни в последующих. И, если бы юный рудокоп Аларм в свое время не проник в Долину и не увел с собой двух ее жителей, то, вероятно, живрасты (так именовались живые растения) никогда не познакомились бы с человеческим влиянием.

Долгими вечерами, сидя в тесном кругу семьи и близких друзей, Элли и Аларм, Страшила, а порой и Дровосек делились воспоминаниями. События прошлого, пережитые приключения и страшная война с Пакиром теперь казались едва ли не сказками. Именно так воспринимали их маленькие Анни и Том, которым мама то и дело разрешала закрыть глаза и увидеть то, о чем говорят взрослые. В Волшебной стране, где, как вам известно, телевидение еще не изобрели, а картинки в книжках, увы, не умели двигаться, волшебство Элли позволяло иногда посмотреть воспоминания, как будто те были записаны на пленку.

И потому однажды, когда Аларм рассказывал о поисках меча Торна, а Элли показывала детям его приключения у озера Снов, малышка Анни спросила:

— А сны-то? Сны так и остались снами?

Гостившие в Изумрудном городе Дровосек и Веса переглянулись.

— То, что снилось Гуду, происходило в прошлом.

— А то, что мне, к счастью, не случилось. — Страшила радостно улыбнулся Элли. — Не могу представить, чтобы тебя не было.

— А сон Пеняра? — не унимались дети. — Мама, ты можешь его исполнить?

Анни, очень привязанная к живому пню, захлопала в ладоши. Будучи маленькой (но не настолько, чтобы могла кататься на Пеняре, как в детстве), она не представляла, какой прием может ждать живрастов в их лесу. Аннушке было еще неизвестно, что даже в человеческом обществе предателей и беглецов не жалуют (а ведь защитив в Долине чужака — Аларма, Кустар и Пеняр предали порядки родного леса).

К просьбе сестренки присоединился Том, а после — и сами Пеняр с Кустаром. Хоть живрасты и любили Аларма и его детей, но тоска по родине с каждым годом становилась все сильнее и сильнее в их древесных душах. И Аларм это, конечно же, понимал.

Так Пеняр и Кустар очутились на пути, ведущем в Желтую страну, в компании Людушки-Голубушки и кузнеца Аргута. Первый шел к друзьям в город Всеобщего Счастья, но

потерял нужную дорогу, заплутал и направлялся теперь в другую сторону. Второй... ну, тоже куда-то зачем-то шел — Кустар и Пеняр этого знать не могли, а самому Аргуту не пришло в голову пояснить.

Под Людускины стишки и песенки время летело быстро. Оба живраста, не зная усталости, бежали вперед, подгоняемые мыслью, что скоро увидят родной лес. Обоим казалось, что их не только ждут, но и встретят радостно, как старых друзей.

Сомневавшийся в этом Аргут пытался было образумить попутчиков, но куда там... К Аргуту никто не прислушался.

Когда зеленая листва сменилась желтой, Пеняр и Кустар припустили с удвоенной силой. А Людуска, все мысли которого сосредоточились вокруг урчащего от голода живота, всерьез подумывал, не испробовать ли живрастов на вкус. Конечно, трусливый людоед побоялся бы даже надкусить друзей Белого рыцаря, но голод, не способствующий быстроте шага, и вызывающая подозрение желтизна листьев (Людуска, понимаете ли, никогда прежде не видел осени, поэтому увядающие деревья казались ему больными) делали свое мрачное дело. И в тот самый миг, когда желание укусить Пеняра затмило остатки разума, под ноги Людуске попало что-то живое.

— Какая встреча! — изумился голодный людоед.

— Какой ужас-с! — завизжала Карряга. Глазки ее, расположенные на двух крохотных сучках, испуганно забегали из стороны в сторону. Увы, позади нее возвышалась гладкая скала, по бокам встали Пеняр и Кустар, а путь вперед преграждали массивные сапоги людоеда.

— Здравс-с-сте. Я так рада вас-с-с видеть!

Ни капельки прежней злобы не отражалось в ее глазках. Карряга смотрела заискивающе, так, как смотрят нашкодившие щенки.

— А я возвращаюс-с-сь домой...

— О, как удачно! — Людуска всплеснул руками. — И мы тоже к вам!

В крохотных глазках полыхнуло отчаянье. Конечно, Карряге, бывшей правительнице долины Живрастов, получившей свое назначение не от кого-нибудь, а от самой Ланги, не хотелось терпеть чужаков в своем лесу. Тем более что чужаки эти были врагами, как Кустар и Пеняр, или не уважающими ее сподвижниками, как Аргут и Людуска, еще во время похода за мечом Торна показавшими свое презрение к древесной повелительнице. Карряга явственно представила, что теперь-то, когда она не руководит их отрядом и не может защититься именем великого Пакира, травоядный людоед непременно ее съест, а если побрезгует, то страшный кузнец использует ее для своих непонятных и грозных изобретений. Если бы ожившая палка могла съежиться, то Карряга непременно бы это сделала. Увы, единственное, на что хватило ее сил, так это на оглядывание скал в поисках какой-нибудь трещинки, куда она сможет вместиť свое тельце, чтобы укрыться от жуткого людоеда.

— Я ни за что не перелезу через эту стену! — Впрочем, Людуске уже не было дела до Карряги, так же как и голод занимал его не столь сильно. — Как говорил мой папашка: «Мы, людоеды, народ такой, ходим всегда дорогой прямой». Не смогу я через такую махину перепорхнуть... А вдруг она подо мной обвалится? Нет, не полезу, решено! А вам, уважаемая Карряга, помочь?

И не успела Карряга ответить, как Людуска поднял ее с земли, размахнулся и запустил через стену. Скоро друзья услышали ее возмущенный вопль.

Следом отправился Аргут. Кузнец закатал рукава, обнажив могучие руки, благодаря которым он смог без труда подтянуться, зацепившись за один из выступающих камней, дотянуться до другого, и вскоре лихо вскочил на вершину одной из скал. За ним,

бережно передаваемые с рук на руки, на вершину поднялись живрасты. Только Людушка, причитающий о тягостях пути, голода, жалующийся на несправедливость и измождение, медлил ровно до того момента, пока Аргут не крикнул: «А тут-то деревья зеленые!» Позже ни Аргут, ни тем более Пеняр и Кустар не смогли бы пояснить, с каким криком нечто, обладающее грацией самых толстых и ленивых свиней, сложенных воедино, перепорхнуло через высоченную скалистую стену. Впрочем, сидевшая под зарослями кустов Карряга позже рассказывала, как за громогласным «Еда!» послышался взрыв и затряслась земля. Как бы то ни было, но Людушка, уже крепко стоявший на коленях и уткнувшийся носом в одну из зеленых веток, бормотал:

— Вот что голод с честными людоедами делает... А ведь и вправду зеленые! А вкусно-то как! — И он с наслаждением запихал в рот горсть зеленых мясистых листьев.

Пеняр первым запрыгал к лесной опушке, следом за ним, растопырив ветки, поспешил Кустар, готовый обнять первого встречного. Все было мило им в этом лесу, все напоминало о безмятежных годах, оставшихся в далекой юности. Повзрослевшие, прошедшие через войну, живрасты готовы были поведать всему лесу, каждому дереву, кусту и пенечку о прекрасном мире за границей скал. Хотели позвать их в Изумрудный город, познакомить с друзьями, показать все те диковинки, что встречали в путешествиях по Волшебной стране. Годы стерли из их памяти лес таким, каким он был при Карряге, и казалось теперь, что тут всегда было весело, радостно, полно любви и дружбы. Впрочем, может, таким он и был на самом деле? Ведь нередко бывает, что, делая выводы по первому впечатлению, мы ошибаемся. Так и Аларм, побывавший в Долине единожды и встретивший не самый дружелюбный прием, решил, что место сие полно зла, и читатель, следивший за приключениями юного рудокопа, конечно, посчитал так же. Но стоит вспомнить, что сам-то Аларм в этом лесу был чужаком, да еще и пришел с оружием, и вопрос «А не было ли поведение деревьев следствием настороженности и защиты?» появляется сам собой.

Аргут и Людушка, конечно, о таких вещах не размышляли. Они опасливо глядели в сторону леса, гадая, как вести себя далее. Обоим казалась соблазнительной мысль, что стоит забрать друзей и уйти. Или же повернуть назад только им самим, оставив Кустара и Пеняра на родине? Вот только сделать ни первое, ни второе они не могли...

— Вряд ли деревьям понравится, что ты обгладываешь с них листву, — подсказал Аргут. — Так и по лбу получить недолго.

— А ты, дружище, спрятал бы подальше свои железки, — Людушка покосился на топор, торчащий из-за пояса кузнеца, потом на острый кинжал и на факел за спиной.

— И то верно, так я первым получу в лоб. Слушай, толстяк, а тебя что сюда занесло, а?

— А тебя-то, тебя? Ни за что не поверю, будто ты просто так из Железного замка в Желтую страну поперся! Тоже небось по поручению?

Дело в том, что заискивания Людушки перед Элли дали неожиданные плоды. То ли стыдно было людоеду за то, сколько горя он Волшебной стране причинил, то ли надеялся, что Элли расколдует его (Людушке, впрочем, фрукты да листья поесть нравилось, распробовал он их вкус за прошедшие годы, но людоед же он все-таки по виду своему и подобию, а не травоед какой-нибудь). Аргуту же хотелось ближе сойтись с Алармом. Сильное уважение вызывал у него Белый рыцарь, но, увы, близкой дружбы меж ними не складывалось: то ли Аларм не мог простить Аргуту, что тот воевал за Пакира, то ли сам Аргут своей обычною хмуростью не располагал к доверию. Но теперь-то, когда появилась возможность доказать, что он и слово его дорогого стоят, Аргут не мог отступить.

— Снилось Пеняру, значит, что он королем в лесу стал.

— Да, слышал, слышал, как же. И росток, мол, появился.

— Да росток-то что? У Тамиза он тоже побегами покрывался! А вот чтоб королем сделаться...

— Так ведь в Желтой стране уже есть король... Даже полтора, в общем-то.

Этот факт существенно осложнял задачу. Так уж сложилось, то ли само собой, то ли по воле Торна, что в каждой стране было по правителю. Но чтобы в пределах одной страны да сразу два короля?! Нет, не бывало такого! Ну, притязания Парцелиуса не в счет, их всерьез не воспринимали. А если великан Дурбан — нынешний король Желтой страны — узнает, что у него соперник появился? Людушка поежился: он-то не Аргут, с его мечами, топорами, машинами и прочим вооружением, ему с великанами связываться для шкуры дороже.

— А если... Ого! Я даже стишок сочинил по этому поводу: «Чтобы думалось легче, дружок, подкрепиться бы надо чуток», — и тщательно пережевав еще горсть листьев, Людоед продолжил: — Дональд рассказывал мне, что в Большом мире про королей давно не слышали. Вместо короля у них этот... резидент, во!

— Рези... что? И что же он делает?

— Как что? Рези... Резе... Резонирует!

— О, резонанс — это хорошо, — с пониманием дела воскликнул Аргут. — Это штука полезная! Будем из Пеняра резонатора делать!

На том и порешили. Но едва Людушка вскочил на ноги, чтобы броситься к лесу и объявить, что ныне деревьями будет управлять Пеняр — первый резидентор Живрастовой республики, как был усажен обратно на землю.

— Толстяк, а ты язык-то их знаешь? А вот они наш — нет. Посмотри на этих двоих — они же не говорят.

— А Карряга-то разговорчива!

— А остальные, как думаешь, на кого похожи: на Кустара с Пеняром или на Каррягу?

Людушка задумался. Аргут, шагая из стороны в сторону, пытался сообразить, как удавалось Аларму понимать язык живрастов. Карряга, затаившаяся в двух шагах от советующихся друзей и надежно скрытая листвой, злорадно усмехалась. Она, тщеславная и наглая по своей натуре, ни на секунду не сомневалась, что это ей предстоит снова стать правительницей. И, по правде говоря, уверенность ее вовсе не была беспочвенной. Ведь (согласитесь, читатели) вековые деревья в душе своей похожи на всем нам знакомых старичков-пенсионеров, предубежденно настроенных ко всему новому, что незнакомо и непонятно им. Вот и живые деревья в Долине, привыкшие к установившимся много веков назад порядкам, незнакомые с людьми и опасующиеся всего чужого, не отнесутся добродушно к тем, кто привел с собою людей. Карряга это, конечно, знала, а тот факт, что Людушка питается частями дерева, обеспечивал ее уверенность. Но, к большому огорчению Карряги, наши друзья не привыкли опускать руки столь рано. Пожевав, походив и хорошенько подумав, оба одновременно пришли к выводу:

— Нам нужен переводчик!

— Может, Каррягу попросить?

«Сейчас, буду я вам помогать, как же», — Карряга мысленно расхохоталась, и, как казалось ей самой, мысленный хохот ее был подобен грому.

— Не, Карряга не то... Она же такая маленькая, такая злобненькая!.. Неужели к ней будут прислушиваться дубы да ясени?

«Еще как будут!» — хотела крикнуть Карряга, но побоялась раньше времени выдать себя.

— Тогда... Кустар?

— Но мы же его не понимаем! Аaaa! Надо ему рот вырезать!

Кустар, уже миновавший границу леса, не мог слышать беседу своих друзей, иначе непременно бы замахал ветвями, словно бы говоря: «Я вам вырежу, как же!» Но, помимо его и Карряги, у Людушки и Аргута имелись и другие варианты.

— Если деревья в лесу живые, то тут, у стены, они неживые, так? А почему?

— Оживим и спросим!

Пока Людушка набивал пузо в надежде, что сытый желудок дарует ему еще какую-нибудь мудрую мысль, Аргут пылливо изучал местность в поисках ручья с живительной водой или волшебного растения, чьи разносимые ветром споры обладали бы магической силой. Однако все, что попадало ему в поле зрения, ограничивалось поломанными ветками кустарников, быстро иссыхающими на солнце, да чудными растениями, которые, хоть и выглядели диковинно, на волшебные похожи не были. Недолюбливающий волшебство и волшебников кузнец считал, что все магическое должно выглядеть до того необычно, что с первого взгляда будет понятно, что к этому предмету лучше не прикасаться: например, если уж волшебный цветок, то чтобы летал, менял расцветку и, чем Торн не шутит, пел. Какое-то зеленое длинное колючее растение с двумя отростками, отдаленно напоминающими руки, не летало, не пело и даже ни разу не поменяло цвет — следовательно, ничем не могло помочь.

— Эй, здоровяк, прекращай чавкать, в самом-то деле! Даже думать мешаешь.

— Я не чавкаю, я мыслю. — Людушка, наевшийся до отвала, тяжело откинулся на землю.

— Уфф, лепота. Давно такой вкуснотищи не пробовал! Смотри-ка, а это что?.. Пепел?

Людушка настороженно оглядывал ладонь, вымазанную в чем-то сером. Неужели в Долине есть табак? Увы, растекшийся по пальцам сок листьев перебивал даже самые сильные запахи.

— Аргут, дружище, изобрети трубку.

Пристально изучающий пепел Аргут лишь покачал головой. С минуту он задумчиво смотрел под ноги, шевеля губами и хмурясь, и не замечал, что Людушка трясет его за плечо и что-то спрашивает.

— Толстяк, ты хоть понимаешь, что мы нашли? Это же живительный порошок!

Сделав это открытие, друзья не сразу поверили своим глазам, а поверив, не мешкали больше. Примеченное Аргутом зеленое колючее растение (мы с вами, друзья, конечно, узнали в нем кактус, но Людушка и Аргут таких познаний в ботанике не имели) было выбрано на роль переводчика. Пока Аргут старательно вырезал на еще не оживленном кактусе рот, Людушка обнаружил, что растение, кроме отростков-рук, имеет еще и маленькие кругленькие отросточки на спине, которые могут послужить глазами. Впрочем, то, что рот и глаза их нового знакомца располагаются не на одной стороне, как положено у людей и животных, было сочтено не большой помехой. Напялив кактусу на вершину-макушку пыльную шляпу Аргута (чтобы потом, в случае чего, отличить переводчика от собратьев), друзья посыпали его горстью порошка и едва успели отскочить назад, когда кактус ожил, потянулся, огляделся, повертевшись на месте, и распахнул объятия.

— Столько лет стоял я без движения в этом всеми забытом месте! О, спасители мои, чем вас отблагодарить?

— Кто ты? — Людушка придиричиво оглядел кактус с головы до ног.

— Я? А я не знаю. Никто не общался со мной со времен моего рождения, так откуда ж мне знать, как мое имя...

— Назовем тебя... хм... Зеленый, колючий и устрашающий... Гингема! Тебя звать Гингем, понятно?

— Как угодно, — кактус Гингем дернул отростками. — Так что же я могу для вас сделать?

Гингем смотрел на людоеда с таким подлинным дружелюбием, что Людушка прослезился. Даже суровый кузнец был тронут. Они торопливо поведали кактусу свою историю, объяснили, зачем пришли в Долину и чего добиваются. И не зная, что притаившаяся недалеко Карряга мысленно прокликает тот день, когда Долина появилась на свет, и умоляет одновременно и Пакира, и Торна обрушить на головы друзей небесный свод, Людушка, Аргут и Гингем договорились.

Быть может, живи кактус в лесу долгое время, он бы поостерегся связываться с чужаками и, вероятно, попытался бы прогнать их прочь, если бы знал чуточку ближе. Но Гингем не знал ничего и был обязан новым друзьям своим спасением. Чувство благодарности требовало отплатить друзьям той же монетой, исполнить их просьбу, кажущуюся такой простой... В общем, Гингем и думать не думал о возможных последствиях. Он со всех корней-ног, а было их немало, бросился к лесу. Аргут и Людушка с некоторой опаской последовали за ним.

Шагая по лесу, Аргут и Людушка держались храбро (что было не очень легко для трусливого людоеда), не шугались угрожающе поднятых веток, не кричали и не пытались вытащить скрытое под одеждой оружие. Обоим казалось, что деревья перешептываются, что-то шипят им в спину, но, вероятно, это было лишь игрой воображения и проказами ветра. Никто не пытался преградить друзьям путь, и вскоре Гингем, Людушка и Аргут беспрепятственно вышли на большую поляну, на которой много-много лет назад произошла встреча Аларма и Карряги.

Сытый Людушка с интересом оглядывал обступившие их деревья, но голодного блеска в его глазах не было, заложенные в карманы ладони не сулили никакой угрозы, а в добродушно-глуповатое выражение лица он постарался вложить все дружелюбие. Вероятно, хмурый Аргут внушал живрастам большее опасение, и когда кузнец начал насвистывать песенку, некоторые деревья даже сделали пару шагов назад. Кактус, приведенный для переговоров и перевода, не стал ждать, пока ему напомнят о деле. Он весело крикнул «эге-гей!», приветственно замахал отростками и, поднявшись на корнях, будто на цыпочках, поклонился каждому замеченному им дереву, кусту, цветочку и даже маленькому грибку, выглянувшему из-под лопуха.

— Как же я рад, что могу с вами познакомиться! — кактус непременно бы бросился всех обнимать, но, вероятно, некоторое сходство со Страшилой Мудрым (надетую на него шляпу в нескольких местах прокололи иголки, торчащие теперь совсем как булавки из головы Страшилы) добавило ему ума. И то ли Гингем догадался, что повышенная его колючесть не способствует объятиям, то ли предполагал, что кидаться к новым знакомцам некрасиво и невежливо, но он остался стоять на месте, терпеливо ожидая ответа.

Деревья совещались, и совет их грозил затянуться надолго. Людушка успел заскучать, Аргут — нахмуриться еще сильнее, так что брови его окончательно сошлись галочкой. Гингем взволнованно обводил поляну взглядом и нервно вздрагивал, когда замечал жесты, которые, вероятно, были ему неприятны. Наконец старый тополь — настолько древний, что, казалось, он покрыт не корой, а морщинами, и листва не выступает на нем уже не первый век, — едва шевеля ветвями, что-то сообщил кактусу, отчего тот обрадованно подпрыгнул и поклонился так низко, что потерял шляпу.

— Он говорит, что деревья согласны принять меня в свою семью, несмотря на то что я совсем на них не похож. Они надеются, что мне придется тут по душе и что я могу

выбрать подходящий уголок.

— Это хорошо, — Людушка нетерпеливо притопнул ножкой и вновь услышал неодобрительный шелест. — Но наше-то дело, наше!

— Гингем, объясни им, что мы привели славного короля. Тьфу, резонатора. В общем, что мы привели им героя битв — Пеняра. Кстати, где он? — последнюю фразу Аргут сказал так тихо, что только Людушка его услышал. Пеняра на поляне не было. Как и Кустара.

— Интересно дело, — насупился людоед. — Мы, понимаешь ли, для них стараемся, боками рискуем, голодаем, недосыпаем, а они шляются без дела! Мой бы папашка!.. — тут Людушка осекся и зажал рот рукой, сообразив, что говорить о том, что папашка-людоед за подобное щедро бы отходил виновника оторванной от дерева крепенькой веточкой, не стоит по многим-многим причинам.

Кактус вновь обратился к лесу, свои слова он для убедительности повторял и на языке живрастов, энергично что-то изображал, подпрыгивал и переминался с корня на корень (впрочем, последнее означало, что Гингем нервничает, не зная, как лучше справиться с возложенной на него миссией).

— Мои новые друзья! Мои не столь новые друзья, спасшие меня от молчания и подарившие возможность ходить, просили поговорить с вами о важном-преважном деле. С ними вместе в нашу прекрасную Долину пришли невероятные существа, которые когда-то давно покинули наш край, чтобы вернуться победителями. Про их подвиги мне рассказывали всю дорогу, и я считаю их столь замечательными, что... — Гингем замолчал, потеряв мысль. На него смотрели столько пар глаз, что он совсем разволновался. Людушка за его спиной громко вздыхал, то ли недовольный другом-кактусом, то ли чем-то расстроенный. Невероятные существа, которых надо было представить лесу, отсутствовали. Неудивительно, что бедняга-кактус сник.

— Ну, говори же! — Аргут тоже волновался, чувствуя себя крайне неуютно в компании живых деревьев, столь огромных, что верхушку некоторых он не смог бы разглядеть, даже задрав голову. — Я же тебе такой замечательный рот вырезал!

Не зная, что сделать, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки и чем бы занять руки, Аргут поднял с земли шляпу и вернул кактусу, который, словно бы обретя вместе с ней былую уверенность и легкость, тут же продолжил:

— Итак, дорогие друзья, прошу прощения за мою болтовню. Поймите сами, столько дней и ночей я вынужден был молчать, что до сих пор не могу насладиться дарованным мне счастьем. Итак. Вместе с замечательными существами, которые стоят перед вами и спасли мне жизнь и свободу (а только так я могу расценивать их поступок!), в Долину пришли и два других существа, когда-то жившие с вами и после отправившиеся на подвиги в окружающий нас мир. Вернулись они прославленными, совершившими много славных дел, победивших самое-пресамое зло! Сейчас, пока они отдыхают после долгого и трудного пути, я скажу вам следующее: эти два существа, маленьких, но храбрых и умных, достойны того, чтобы сделаться нашими правителями!

Деревья возбужденно зашумели, и в шуме этом явственно читалось неодобрение.

— Да нет же, — перебил их Аргут, когда вслед за шумом посыпались шишки и засвистели ветви. — Не тем правителем, которым была Бастинда, проклятая ведьма из Фиолетовой страны, или ее сестричка Гингема, которая... ну... которую зовут так же, как нашего зеленого друга. Пеняр и Кустар не станут вами командовать! Они будут выполнять вашу волю и ваши желания, просто... хм...

— Будут отвечать за вас перед Хранительницей, — вставил свое слово Людушка. — Элли же, как вы про нее могли не слышать? Элли славная и добрая! Куда добрее Коринушки, хотя к чему это я? А, Элли охраняет край Торна, а вы вроде как тоже в этом краю

живете. Ну, про Торна-то вы слышали? Как это нет?! — Судя по тому, что деревья молчали, им не были известны не только Торн и Элли, но и дела папашки-людоеда и впоследствии самого Людушки. Последний факт радовал и вселял уверенность. — А если у вас возникнут проблемы? А если тут случится, тьфу-тьфу, страшное-престрашное землетрясение? Кто вам поможет? Элли! Но как вы будете с ней связываться? Она же не поймет, что вы говорите. А Пеняр и Кустар — давние друзья Элли и ее мужа. Они передадут ей вашу волю.

— А еще, — с воцарившейся среди деревьев тишиной уверенность вернулась и к Аргуту, — ваш правитель, вернее, не правитель даже, а резонатор, так его назовем, будет отвечать за вас перед Хранительницей. И если что-то у вас тут пойдет не так, отчитывать будут его, а не всех вас. Понимаете?

О, деревья понимали. Они зашумели столь сильно, что Аргут и Людушка вынуждены были зажать уши ладонями. Полети в них хоть одна шишка, они, пожалуй, бросились бы бежать, хотя по крайней мере Аргут трусостью не отличался, — вот до чего грозен был поднявшийся шум. Но шишки не летели. Деревья спорили между собой, сообщали что-то кактусу, а тот — им. Этот бессловесный диалог продолжался долго. Но едва Людушка и Аргут решили, что стоит бы найти виновников этого шума и привести самих объясняться с деревьями, как наступила тишина и Гингем подытожил:

— Деревья согласны выбрать резо... рези... главного. Но они не понимают, почему ими должны быть ваши друзья. Они считают, что те предали их, когда ушли с человеческим ростком. И говорят, что готовы предоставить своё дерево на это дело. Вот этот почтенный тополь...

Тополь, кажется, вздохнул всем своим телом, ветви его поникли, и морщины стали еще глубже. Было видно, как он устал, как не хотел более отвечать за других, казалось, все его существо протестует не только против идеи молодежи, но и против всей жизни. Не единожды Аргут замечал подобное за стариками в родной деревне в Фиолетовой стране и потому сочувственно взглянул на дерево. Он хотел утешить его, предложить уйти в Розовую страну, где Стелла дарует тополю молодость, или сказать, что он и сам — пусть не волшебник, а простой кузнец — может продлить дереву жизнь, превратив его в произведение искусства. Но Аргут не был уверен, что его правильно поймут, поэтому только сочувственно глядел и качал головой.

— А если почтенный тополь не согласен, то добрый вяз готов стать первым главным деревом Долины. — и Гингем указал на тот самый вяз, который когда-то выбил из рук Аларма огниво. Впрочем, ни Аргут, ни Людушка, ни Гингем этого не знали, и потому видели в вязе обычный живой вяз, каких много в этом лесу. Вот только обычным ли был он или нет, но поручение Аларма и Элли выполнить он мешал.

Аргут и Людушка озадаченно переглянулись, не представляя, как быть дальше. Ни тот, ни другой не знали, как положено поступать в таких случаях. Сам Людушка, раз уж когда-то был королем и знал о правителях чуточку больше друга, вызвал бы стражу и приказал посадить наглеца вяза в тюрьму. Однако никакой стражи у него давно не было, к его приказам вообще никогда не прислушивались, а тюрьмы давным-давно исчезли по всей Волшебной стране.

— Надо что-то им пообещать, — решил Аргут как раз в тот миг, когда вяз закончил показывать Гингему свою мысль.

— Достопочтенный вяз говорит, что вы, чужаки... о мои новые друзья, как жаль, что вы лишь гости в наем лесу! Так вот, вы можете не волноваться ни за судьбу друзей, ни за всю Долину. Вы мудро придумали с главдревом, и многие деревья сокрушаются, что не сообразили этого раньше. Кустар и Пеняр, когда отоспятся, если они, конечно, умеют

спать, будут любезно приняты среди прочих деревьев и, вероятно, станут помощниками вяза в общении с Хранительницей. А вы можете со спокойной совестью покинуть Долину. Вяз еще просил добавить, что благодарен вам за то, что вы взяли на себя труд сопроводить друзей.

— Это что, нас гонят? — Людушка так удивился словам Гингема, что позеленел и теперь отличался от кактуса лишь отсутствием иголок и чуть меньшей насыщенностью цвета. Очевидно, огромный позеленевший людоед, вдруг обнаживший большие зубы и высунувший из кармана толстые пальцы, выглядел сурово. Деревья неуверенно зашелестели между собой.

— Вяз обещает, что проследит, чтобы в лесу все было благополучно, — поторопился добавить Гингем, но был перебит Аргутом.

— Послушайте, деревья! Вы хоть и старые и мудрые но не знаете жизнь за пределами ваших скал! И ваша мудрость... хм... Сейчас объясню: огонь в кузнице и огонь в чистом поле горит по-разному, ведь в кузнице его надо поддерживать, а в поле да на ветру, уух! Вот и вам необходим свежий воздух. То есть...

— Свежий взгляд, — подсказал Людушка.

— Да, этот самый взгляд, свежий. А ведь в Долине, как я заметил, нет даже птиц... Так откуда вам знать о том, что творится вокруг, что мир меняется, растет, умнеет.

— Нет-нет, мы вовсе не сомневаемся в мудрости почтенных тополя и вяза, — Людушка неуклюже поклонился, забоявшись, что деревья неверно истолкуют речь Аргута.

— Да-да, мы не сомневаемся, наоборот, но... Сам я могу вас понять. Когда-то я жил в Фиолетовой стране среди Мигунов, потом покинул их и стал жить затворником, потом отправился в путь, потом вновь вернулся, вновь ушел и... Я понял! Я понял, что мир, сколько бы ни было в нем лишнего шума, болтливых людей, сующихся под руку с советами... Все равно жить в мире гораздо лучше, чем одному. Спросите Кустара, спросите Пеняра о том, как жилось им в Долине и как жилось после ухода. Я хочу сказать, хочу дать вам совет... В общем, это... Вас же никто не заставляет, не принуждает. И каждый из вас все равно будет жить так, как захочет. И вы сможете вновь прогнать Пеняра, если вам станет с ним плохо, тем более что ему есть куда идти. Но дайте нам шанс! Вернее, Пеняру... Нет, все же нам... — Аргут запутался и взглянул на Людушку в поисках одобрения. Людоед, который от волнения снова проголодался и торопился набить брюхо, быстро подождил:

— В общем, выбирайте Пеняра своим резидентором или как там... главным-преглавным деревом. Пеняр славный и не обидит. А коли нет, так гоните его прочь. Но это, вдруг и вам с ним понравится? Или не с ним, а с...

— Возможностями, которые перед вами откроются, — подсказал Гингем.

— Да, — Аргут вновь нашел, что сказать. — Да, вы, деревья, стары, умны, мудры. А открывшись миру, станете еще более мудрыми. И возможно, однажды узнаете многие тайны, совершите много подвигов. Ну неужели молодые деревья об этом не мечтают? Шум, изданный молодыми кустарниками и некоторыми деревьями, ясно показывал, что мечтают да еще как.

— Так рискните, — посоветовал Аргут.

— Только хорошенько подумайте, — добавил Людушка.

— И вам понравится! — Гингем жизнерадостно улыбнулся.

Шум деревьев внезапно прервался молчанием, так что слышно было лишь тяжелое дыхание Аргута и урчание желудка Людушки. Потом живрасты зашелестели с такой силой, что один молодой кустарничек упал в обморок, а крапива бросилась прочь. Вновь

замолчали. И вновь продолжили спор. Кактусик терпеливо качался на корнях-ножках, глядел то в одну сторону, то в другую, сочувственно посматривал на уставших взволнованных друзей, но не спешил переводить им аргументы деревьев. На небе уже начали появляться звезды, когда спор был окончен.

— Сейчас голосовать будут, — пояснил Гингем.

Людюшка вздохнул.

— Интересно, людоеды могут упасть в голодный обморок? — шепотом спросил он.

— Так тебе виднее, — таким же шепотом ответил не менее голодный Аргут, на чью беду в лесу не было ни одного озера, где можно было бы наловить рыбы.

— Давай спать ляжем, к утру как раз доголосуют.

Аргут не ответил. Он заворожено смотрел на голосующие деревья. Было что-то волшебное в том, как вдруг все одновременно подняли вверх ветви и закачали ими из стороны в сторону.

— Они согласны, — торжественно объявил Гингем. — Деревья считают, что должны выбрать вашего друга Пеняра своим главным деревом. Не навсегда, конечно. Всего на пять лет. Кстати, пять лет — это много или мало?

От радости, что возложенное на них поручение удалось, Людюшка и Аргут бросились обнимать сначала друг друга, потом Гингема (к счастью, вовремя остановились), потом те из деревьев, что выглядели наименее грозно. Молодые кусты, еще юные и мечтающие о приключениях, пытались напроситься в далекий путь в Изумрудный город, но наши друзья не понимали их просьб, а Гингем был занят объятиями с крапивой и перевести не мог.

Оставалось только найти самого Пеняра и рассказать ему, что он стал правителем леса. Вот только оставалось неясным: где его искать?

Впрочем, эту проблему легко разрешил Гингем, в очередной раз оправдав свое сходство со Страшилой:

— Мы так шумели, что поистине только дивиться можно тому, что Пеняр и Кустар до сих пор нас не нашли. Но, раз уж все местные деревья пришли на собрание, нельзя подумать, что наши друзья заболтались с ними... Быть может, они испугались? Я так понимаю, у них есть причины чувствовать вину перед остальными? Или это не вина, а смущение? Я запутался... А, вот: давайте все вместе позовем их?

Аргут и Гингем, умеющие говорить по-человечески, тут же закричали:

— Пеняр, Кустар, правители долины Живрастов, идите сюда, к вашим подданным!

Деревья, надо думать, вторили им на своем языке.

А Людюшка, которого окончательно одолел голод и который бочком-бочком двигался в сторону опушки, где можно было безнаказанно наесться листьев, вдруг закричал так громко, что едва не перекрыл своим голосом весь поднятый шум.

— Да вот же они! Пеняр — резидентор! Качать Пеняра! Ура!

И в самом деле, по тропинке, неуверенно перепрыгивая с корня на корень, скакали Пеняр и Кустар, успевшие сначала навестить старых друзей, потом вволю набегавшиеся по родным и только им знакомым местам, где играли в своем детстве, поделившиеся друг с другом воспоминаниями и показавшие припрятанные когда-то клады — желтые листья, занесенные давним ураганом в Долину. Как они умудрились пропустить собрание — вопрос загадочный, но, вероятно, те дела, что занимали их мысли в течение дня, были намного важнее. В конце концов, они вернулись на то самое место, где расстались с друзьями, и решили, что подождут их там, чтобы попрощаться. А когда услышали невыносимый шум из чащи, поспешили друзьям на выручку, но, как поняли еще по пути, выручать их не требовалось, наоборот... Все это перевел для Аргута и Людюшки Гингем.

— Ну что ж, друг пень, — Людушка, простивший Пеняру и Кустару все давние обиды, был счастлив, что смог сотворить для него чудо — исполнить мечту. — Будь здоров.

— Пеняр, я не знаю, помнишь ли ты, но когда-то я пытался спасти тебе жизнь... Когда Кустар принес тебя перерубленного, — Аргут вновь смутился. — В общем, это тут ни при чем... Позаботься же о нашем новом друге — колючем зеленом Гингеме. Вот он! — Аргут кивнул на Гингема, вышедшего из толпы деревьев.

Кустар и Пеняр запрыгали, выражая радость и согласие.

— И давайте прощаться...

Прощание было веселым и шумным. Деревья, узнавшие о слабости Людушки к листве, наскидывали ему большую кучу самых разных на вкус и цвет листьев. Аргут пообещал частенько навещать в гости и, если получится, смастерить для Долины водопровод. Гингем попросился однажды навестить Изумрудный город, а в ответ ему пообещали экскурсию по всей Волшебной стране. Наобнимавшись со всеми, кто не был колюч, людоед и кузнец повернули к скалистой стене, где Людушке снова попало под ноги что-то визжащее и писклявое.

— Какая наглос-с-сть! — возмущалась Карряга. — Какая нес-с-справедливос-с-с-сть! Карряга, оказывается, так и просидела в укрытии до вечера, ожидая, что деревья выдворят чужаков восвояси, потом испугавшись поднятого в лесу шума, потом дожидаясь ухода Кустара и Пеняра, едва не обнаруживших ее присутствия. И теперь, проявив чудеса выдержки и терпения, она узнала, что опоздала, ее титул правительницы занят и сама она, оказывается, всеми забыта и никому не нужна. Ну не наглость ли?

— Ну, ничего, ничего, — злобно прошипела она. — Добру вс-с-егда противос-с-с-стоит Зло!

— Да-да, дорогая Карряга, у нас будет время это обсудить!

Людушка, непривычно задумчивый (а может, просто сильно уставший?), размахнулся и зашвырнул Каррягу через скалы. Поднявшийся на вершину Аргут подал Людушке руку, и оба, миновав границу Долины, пустились в обратный путь в Изумрудный город. Карряга, злобно шипя и проклиная все знакомые ей имена и явления, побежала следом.

Сидя в уютной гостиной Изумрудного дворца и держа в руках всунутых им кукол и солдатиков маленьких Тома и Анни, Людушка и Аргут демонстрировали всем присутствующим их приключение в Долине Живых растений. Увы, если б Людушке-Голубушке дали право рассказать всё в подробностях без магии, он бы расписал приключение так красочно, как не смогли бы даже мастера этого дела Болтуны. Да и Аргут, пожалуй, добавил бы красок своему таланту дипломата, которым он, как оказывалось, был наделен.

Когда показ был закончен и все увидели, чем завершилось дело, раздались восторженные детские возгласы. Малыши были искренне рады за друзей-живрастов, им хотелось познакомиться с забавным Гингемом, а неудача Карряги вызвала у них смех.

— Так Пеняр стал резонатором, — наконец сказал Аргут, смущенный доставшимся ему вниманием.

— А почему не королем? — удивился Аларм.

— А почему не президентом? — Элли была удивлена не меньше. — В Большом мире эта форма правления называется президентством.

Людушка и Аргут переглянулись.

— Так нам что, возвращаться и переназначать, да? Ну хоть отдохнуть дайте!